

Глава 2 ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД (У. РИВЕРС)

В рамках «науки о родстве» на Уильяма Риверса чаще всего принято ссылаться по двум поводам. Во-первых, в связи с изменениями в эволюционной схеме Моргана, состоящими в трактовке малайской системы родства как более поздней стадии развития по отношению к турано-ганованской. Во-вторых, в связи с понятием генеалогического метода. Однако не уделяется никакого внимания реконструкции той системы взглядов, элементами которой выступают упомянутые идеи. Для того чтобы правильно понять эти идеи, необходимо выявить, каковы были его цели и средства, то есть задать себе вопрос о том, как он сам обосновывал свой вклад в исследования по родству. Как сказано, результат без его становления есть ничто.

Будучи сторонником эволюционного учения, Риверс начинает с защиты схемы развития семьи (от промискуитета — к моногамному браку), той схемы, которую и в наше время продолжают рассматривать в качестве краеугольного камня теоретических построений Моргана. Он утверждает, что критики Моргана, попросту отбрасывая эту схему, не хотят видеть, насколько по-разному могут себя вести ее отдельные части при сопоставлении с этнографической реальностью. «Детально разработанная схема Моргана, — пишет он, — может быть разделена на две самостоятельные (“distinct”) части, одна из которых обращена на существование кровнородственной (“consanguine”) семьи и ее эволюции в семью пуналуа, тогда как другая часть обращена на существование последней как таковой» [Rivers 1907: 309].

По мнению Риверса, вера в существование в далеком прошлом кровнородственной семьи основана на неверной оценке уровня развития традиционного общества гавайцев, которое Морган ошибочно относил к обществам, стоящим на низшей ступени человеческой культуры, полагая, что особенности гавайской (малайской) терминологии родства корреспондируют с этим представлением

[Rivers 1907: 309]. Он стремится показать, что по контрасту с терминологиями других классификационных систем гавайская терминология, не делающая различия между братом отца и братом матери, сестрой отца и сестрой матери, а также между их детьми, является не пережитком эпохи кровнородственной семьи (когда все члены группы, входящие в категорию братьев и сестер, вступали между собой в брачные отношения), но результатом сокращения терминологии, аналогичной другим классификационным системам [Rivers 1907: 311]. Путем сравнений он доказывает, что в случае с малайской системой мы имеем дело с изменением в сторону упрощения, т.е. с утратой некоторых терминов, хотя не указывает первопричину этой редукции [Rivers 1907: 311, 314].

Напротив, существование семьи пуналуа, которая характеризуется так называемым групповым браком (между группой братьев, с одной стороны, и группой сестер — с другой), Риверс рассматривает как эмпирически обоснованную теорию, напрямую связывая с этой формой брака происхождение классификационных систем [Rivers 1907: 311, 314]. В доказательство приводится, в частности, такой аргумент: «Во многих, хотя, разумеется, не во всех, классификационных системах мужчина из одной группы применяет один и тот же термин ко всем женщинам из другой группы того поколения, к которому принадлежит его жена, и, наоборот, все женщины одной группы применяют один и тот же термин ко всем мужчинам другой группы того поколения, к которому принадлежат их собственные мужья. Отсюда делается вывод, что подобные термины являются пережитками определенного состояния общества — такого общества, в котором существовали реальные брачные отношения между теми, кто использовал эти термины» [Rivers 1907: 316].

В данном случае, кажется, нет особой нужды рассматривать возражения против теории группового брака современников Риверса и его ответы на эти возражения. Факт, на который указывает Риверс, представляет собой этнографическую реальность, однако не является пережитком прошлого, находя свое объяснение в реалиях того уровня этнографической современности, который соответствует традиционной австралийской культуре. Точно так же к вопросу о происхождении классификационных систем родства не имеет отношения институт двух брачных половин, используемый Риверсом в качестве еще одного свидетельства в пользу реальности семьи пуналуа и группового брака [Rivers 1907: 319–320]. Распреде-

ление носителей определенных степеней родства по двум брачным или ритуальным «половинам» (*moieties*) легче интерпретировать как вторичную классификацию существующих терминов родства. Обычай деления на половины не создает новых отношений, используя в качестве материала уже существующие связи.

Связанный с вопросом эволюции семьи сюжет — соотношение между понятиями «форма семьи» и «брачные правила» («форма брака»). У Риверса, как и у Моргана, эти понятия различаются довольно слабо [Rivers 1907: 309, 323]. Хотя именно на этой почве перед последователями Моргана могут ставиться некоторые формальные препятствия, касающиеся правомерности теории классификационного родства, по крайней мере в некоторых ее частях. Например, насколько уместно при создании типологии систем родства в качестве основного признака использовать предпочтительную форму брака? Под формой семьи, вероятно, следует понимать систему отношений, в которые вступают люди по поводу производства жизни, включая производство средств к жизни, если речь идет о первобытном обществе, а под формой брака — правила заключения договора о создании семьи, в первую очередь правила, определяющие круг возможных партнеров по браку, т.е. допустимую степень родства между супругами. Так, при универсальности нуклеарной, или парной, семьи в обществе охотников и собирателей существует практически бесконечное число локальных форм брака, поскольку брачные отношения являются подсистемой отношений родства.

Это утверждение сохраняет свое значение и для обществ с неклассификационными системами родства, основной ячейкой которых является моногамная семья. Понятно, что установление отношений свойства в нулевом поколении образует отношения родства во восходящих и нисходящих поколениях. Например, отец матери, сын брата матери и т.п. являются одновременно и родственниками, и свойственниками по отношению к говорящему. Гораздо меньше осознается тот факт, что лица, вступающие в брак, также находятся в отношениях родства, конечно, с той оговоркой, что такое родство рассматривается как бесконечно малая, стремящаяся к нулю величина, в рамках теории «Адама и Евы».

Более четкое разграничение понятий формы семьи и формы брака доказывает, что между схемами развития систем родства и свойства нет жесткой связи в плане взаимоопределения. Поэтому вычеркивание объекта «семья пуналуа» для теории классификаци-

онного родства Моргана так же безболезненно, как и вычеркивание объекта «кровнородственная семья».

Однако, несмотря на общую неудачу в поисках истоков классификационной системы родства, Риверсу удалось сформулировать ряд положений, корректирующих или проясняющих некоторые места в теории Моргана.

1) Понятие системы родства не сводится к понятию терминологии родства (данный тезис заключен в примере с малайской, или гавайской, терминологией) [Rivers 1907: 311, 314].

2) Универсальная схема «классификационные — описательные системы родства» важнее конкретных способов ее применения [Rivers 1907: 309, 323].

3) Классификационные системы родства — не пустая выдумка, но разумная абстракция. Определяющей чертой классификационной системы является ее противоположность описательной системе с точки зрения способов группирования людей по категориям родства (по сравнению с Морганом, при выражении идеи родства людей понятие «группа людей» замещается понятием «категория родства») [Rivers 1907: 310].

4) Особенности классификационных систем родства обусловлены первичностью «статуса и долга» (“status and duties”), а не физиологических, кровных или супружеских связей, что является признаком описательных систем (по сравнению с Морганом, более четко выражена идея «социального родства») [Rivers 1907: 319, 321–322].

В продолжение своих теоретических изысканий Риверс предлагает генеалогический метод, который объявляется фактически основным методом изучения систем родства [Rivers 1907: 323]. Это то недостающее звено, которое мы, может быть, не всегда осознанно, пытаемся обнаружить в работах Моргана, критикуя недостатки его подхода. Применение метода составления списка «заранее сформулированных родственных отношений» (по М.В. Крюкову) предполагает хотя бы выборочное обращение к конкретным генеалогиям в целях корректировки границ списка возможных денотатов. С этой точки зрения Риверс изменил расстановку акцентов в методе Моргана.

Согласно Риверсу, в силу качественного различия между системами родства первобытных (“savage”) и цивилизованных (“civilised”) народов желательно использовать как можно меньше

В ходе сбора генеалогий в качестве маркеров связуемых элементов (для наглядности мы обозначаем их геометрическими фигурами: треугольник — мужчина, круг — женщина) выступают личные имена, а при их анализе — местные термины, которые ставятся в соответствие с определенными денотатами (денотативами, или «описательными терминами»). В ходе анализа поле родства как бы «прощупывается» (см. выше: Морган делал это с помощью своих таблиц). В результате проявляются границы, точнее говоря, внешние пределы этого поля, в которых оказываются денотаты, значимые для носителей культуры. Сигналом о достижении предела служит момент прекращения появления новых терминов родства. Таков практический смысл метода Риверса в противоположность методу Моргана, смешивающего два этапа исследования или, лучше сказать, пропускающего первый этап, скажем, ввиду его кажущейся тривиальности. По замыслу Риверса, генеалогический метод способствует решению трех основных задач.

I. Описание систем родства. Правильно описать систему родства (“working out the systems of relationships”) невозможно при использовании обычного, надо понимать, моргановского метода вопросов и ответов, или метода прямого опроса (“direct inquiry”) [Rivers 1971: 56]. Поскольку первобытные системы родства принципиально отличаются от европейских, без предварительного сбора генеалогий очень легко впасть в ошибку относительно эквивалентности европейских и местных, классификационных, терминов. Необходимо соблюдать процедуру, в рамках которой исходным пунктом является личное имя человека (принцип опоры на внеязыковую реальность. — П.Б.). Только при этом условии заданный вопрос *дает* действительный эквивалент европейского термина (т.е. денотата): «старший брат», «сын сестры», «брат матери», «жена брата матери», «сын сестры мужа» и т.п. [Rivers 1971: 53]. Он также полагает, что полный набор терминов родства практически невозможно получить при составлении единичной генеалогии. Тем более что, например, нередко встречается то, что он называет «двойным родством» (по происхождению и по браку). Поэтому достоверное представление о данной системе родства можно составить только при наличии минимум трех независимых генеалогий [Rivers 1971: 53]. Еще выше он делится наблюдением, что сведения, полученные от разных информантов, могут быть неравноценными по качеству, поэтому следует ориентироваться на людей,

которые обладают особыми генеалогическими познаниями [Rivers 1971: 53].

В понятие описания систем родства по методу Риверса входит подробная фиксация «социальных условий» для лиц, включенных в генеалогию (местность, клановая принадлежность, тотемное имя, семейное положение, происхождение партнера по браку, социальное состояние, т.е. смерть, адопция, наличие детей и т.п.). Все это делается с учетом факторов, затрудняющих сбор информации: обычай табуирования имени умершего, обмен именами или взаимное пересечение линий, когда упоминание одного и того же лица дублируется. Например, для одного информанта данный индивид является представителем отцовской линии, для другого — материнской [Rivers 1971: 53–54].

Исходя из своего опыта, Риверс создает технологию составления списков денотатов («терминов») родства. 1) Дается описание представителей пяти поколений, нулевого, первого восходящего и первого нисходящего, второго восходящего и второго нисходящего. 2) Денотаты (“terms of relationship”) распределяются по двум множествам (столбцам), члены которых ставятся в отношении обратных (“reciprocal”) величин: «отец — сын», «брат матери — сын сестры», «отец отца — сын сына», «мать матери — дочь дочери» и т.п. 3) Термины родства делятся на две «формы», термины обращения во втором лице (“addressing”) и термины упоминания в третьем лице (“speaking of”), т.е. на аппеллятивы и вокативы, говоря современным научным языком. 4) Терминологии родства даются в двух вариантах в зависимости от пола говорящего [Rivers 1971: 55].

По Риверсу, генеалогический метод самим своим строем подразумевает сбор сведений, непосредственно не имеющих генеалогического содержания, т.е. касающихся отношений, установление которых не связано с прослеживанием действительных связей по крови или по браку; применение генеалогического метода предполагает составление списка всех лиц, к которым применяются данные термины. По его классификации, отношения делятся на четыре разряда: 1) отношения, соответствующие реальным генеалогическим связям; 2) отношения, не соответствующие реальным генеалогическим связям, но обосновывающиеся с помощью рассуждений «генеалогического» характера вроде: индивид *X* (*Ego*) называет индивида *Y* «братом матери», поскольку этот индивид является «братом» некоего третьего индивида; 3) отношения, устанавливающиеся

посредством ссылок на принадлежность к определенным социальным подразделениям вроде: индивид *X* (*Ego*) называет другого индивида «дедом», поскольку тот принадлежит к тому же поколению имярек клана, к которому относится третий индивид, занимающий позицию «деда» по отношению к индивиду *X*; 4) отношения, строящиеся на искусственных узах, но переходящие по наследству: самого говорящего, его отца или отца отца с неким третьим лицом [Rivers 1971: 55]. Как пишет Риверс, всего этого достаточно для того, чтобы определить «общий характер» (тип? — *П.Б.*) системы родства. Во многих случаях представляется важным проследить более отдаленные связи по линиям «брата отца отца», «сестры отца отца», «жены сына сестры», «мужа дочери сестры» [Rivers 1971: 55].

II. Изучение брачных правил. Необходимое число генеалогий членов исследуемой группы содержит информацию о браках, заключавшихся на протяжении многих поколений. Посредством генеалогий мы не только узнаем, какие браки разрешены, предписаны или запрещены, но вместе с тем получаем статистические данные по частоте различных видов брачных союзов, фиксируя стадии перехода от состояния общества, в котором браки регулируются на уровне клана или фратрии, к состоянию, в котором брачные союзы определяются посредством учета реального кровного родства (т.е. переход от первичной ко вторичной формации, от классификационного к описательному родству). Там, где брачные союзы еще определяются формами социального группирования, генеалогический метод позволяет уловить тенденции, которые самими участниками процесса обычно не осознаются [Rivers 1971: 55–56]. Например, преобладающее число браков между членами двух определенных кланов может свидетельствовать о существовании кросскузенных браков [Rivers 1971: 56].

III. Изучение правил, регулирующих наследование собственности и социального статуса. Достаточно одного взгляда на диаграмму («генеалогию»), чтобы увидеть, по какой линии, мужской или женской, определяется клановая принадлежность, каков порядок перехода власти и как наследуется собственность на землю [Rivers 1971: 56].

Преимущество генеалогического метода Риверс видит в конкретности и тестируемости («фальсифицируемости») получаемых результатов. В процессе полевой и кабинетной работы исследователь избегает опасности «абстрактного» подхода, выражающегося

в такой постановке вопросов перед информантами, когда они вынуждены давать ответ на языке несвойственных им европейских понятий. Одновременно средствами генеалогического метода возможно формулировать такие вещи, которые не осознаются носителями культуры. В конечном счете генеалогический метод делает исследователя и информанта равными участниками диалога [Rivers 1971: 57–58]. В переводе на язык современной логики науки, генеалогический метод изоморфен исследуемой реальности. Особенно интересно, что Риверс имел в виду не только трудности полевой практики, но и перспективы развития всей отрасли знания, предметом которой является традиционная культура. По Риверсу, генеалогический метод должен придать фактам этнологии достоверность, свойственную естественным (биологическим) наукам, поднимая этнологию, до того момента остававшуюся уделом любителей без специального образования, до уровня науки в строгом смысле этого слова [Rivers 1971: 59].

Насколько можно судить, собственные рассуждения Риверса вступают в явное противоречие с общепринятыми оценками генеалогического метода, когда этому методу придается узкий смысл европоцентристского способа записи систем (терминологий) родства. Причем довольно часто среди критических замечаний в адрес Риверса фигурируют как раз те положения, которые он сам же и выдвигал. М.В. Крюков для того, чтобы показать несовершенство этого метода как способа сбора терминологий родства, ссылается на свидетельство А. Хокарта. Там, где европеец при определении степени родства сначала указывает ближайшего родственника, а затем движется вверх и вниз по генеалогическому дереву, фиджиец поступает совершенно иным образом, ориентируясь на принадлежность к той или иной стороне (линии) и к тому или иному поколению [Крюков 1972: 22–23]. Однако Риверс, называя свой метод генеалогическим, не только не игнорирует это различие, но даже настаивает на том, что использование этого метода обязывает исследователя учитывать всех лиц, к которым применяется данный термин, включая тех, с которыми не прослеживаются реальные генеалогические связи. По мнению Н.А. Бутинова, генеалогический метод фиксирует только систему «абстрактных родственных терминов», но никак не отражает скрытую за этими терминами «структуру конкретных общественных отношений» [Бутинов 1951: 3–27]. Однако Риверс выступал за исследование «абстрактных проблем на конкретной

основе», направляя генеалогический метод на выявление именно того, что скрыто за терминами родства, — систем, или структур, родства.

При характеристике своего метода Риверс всячески демонстрировал, что процедура сбора генеалогий не исчерпывает понятия генеалогического метода, образуя лишь его «базис» (остов, каркас? — П.Б.) [Rivers 1971: 52]. С одной стороны, генеалогический метод не только не предполагает приписывание классификационным системам идеи биологического родства, но категорически запрещает что-либо подобное, с другой — является естественным способом отсеивания «абстрактных вопросов». С точки зрения Риверса, генеалогический метод оказывается «эффективным» (объективным) в плане изучения самого широкого круга вопросов, выходящих далеко за пределы понятия социальной организации, в область изучения магии, религии и ритуала (те или иные ритуальные функции по отношению к *Ego* всегда исполняют лица, занимающие определенные позиции родства) и далее в область лингвистики (антропонимики) или «психологии» носителей традиционной культуры, попутно отделяя традиционное от привнесенного европейской культурой [Rivers 1971: 56–57, 58–59]. Таким образом, генеалогический метод сам по себе выступает средством описания той этнографической реальности, которой системы родства принадлежат, — путем восхождения от части к целому: от брачных правил и правил наследования к социальной организации, от социальной организации к культуре в целом. При таком подходе проблема существования связи между системами родства и социальной организацией не возникает по той простой причине, что решается сама собой уже на стадии сбора эмпирического материала. Проблема плавно переходит на другой уровень, связанный не с вопросом о том, существует ли эта связь, а с вопросом о том, *как* она существует.

Теперь уже нетрудно согласиться с М.В. Крюковым, по крайней мере, в том, что разработка Риверсом «генеалогического метода сбора терминологий родства» на самом деле представляет собой «попытку преодолеть недостаток моргановского метода, в основу которого положен список отношений родства». «Признавая неточность априорного формулирования набора родственных отношений, предъявляемого информатору, — пишет М.В. Крюков, — Риверс предварительно выявлял круг родственников информатора

и помещал имена каждого из них на определенное место в его генеалогическом древе. После этого он последовательно задавал вопросы о каждом из родственников, в ответ на которые информатор сообщал соответствующие термины родства. Поскольку вопрос ставился не в форме “Как вы называете сына брата отца (и т.п.)?”, а в форме “Кем вам приходится имярек?”, то информатору не навязывалась сконструированная заранее цепочка родственных отношений и он мог назвать лицо тем термином, которым он привык называть его в обыденной повседневной жизни» [Крюков 1972: 21].

Как ни странно, приведенное описание нивелирует критику генеалогического метода с помощью следующего положения: «...этнограф, собирающий терминологию родства с помощью генеалогического метода, подходит к ней с мерками своей собственной системы родства» [Крюков 1972: 23]. Нет никаких причин искать новый метод, когда за исходный пункт принимается «сам термин» [Крюков 1972: 23]. Вероятно, здесь нами совершается еще большая ошибка, чем та, на которую мы пытаемся указать.

К тому же метод интервьюирования вряд ли вообще возможно осуществить на практике. «Информатору, — пишет М.В. Крюков, — предлагается назвать все известные ему термины родства, существующие в его языке, а когда список терминов родства составлен, информатор по просьбе исследователя объясняет значение каждого из терминов. При такой процедуре совершенно исключена возможность вольного или невольного навязывания информатору каких-либо категорий, не свойственных изучаемой системе родства; ему предоставляется возможность выразить значение каждого термина в той форме, какую он считает наиболее естественной и привычной» [Крюков 1972: 23]. Но откуда собеседнику может быть известно значение самого термина «термин родства»? Например, в русском языке словом «старик» сын может называть отца, жена — мужа и т.п. При таком подходе уже информатор будет навязывать исследователю представления, не свойственные научному понятию системы родства.

По своей процедуре генеалогический метод Риверса вполне органичным образом включает составление таблиц денотатов Моргана, снимая его «априорность» (метод последовательного приближения: информация по терминологии правит информацией по системе родства, и наоборот). Сначала составляются схемы, где узлами служат имена конкретных людей, соединенных кратчайши-

ми маршрутами родства (отношения «отец», «мать», «брат», «сестра», «сын», «дочь», «муж», «жена»), затем личные имена замещаются местными терминами родства¹ вместе с их расшифровкой в виде *n*-сложных слов («отец», «мать», «брат», «сестра», «сын», «дочь», «муж», «жена», «брат отца», «брат матери», «брат матери матери», «сын сестры мужа», «дочь дочери брата матери матери» и т.п.).

Метод Риверса, как и метод Моргана, направлен на разрешение вопроса о связи между классификационной системой родства и реальными отношениями, в которые люди вступают между собой по поводу терминологии родства. Для решения поставленной задачи Риверс использует таблицы денотатов и диаграммы родства, ибо, занимаясь изучением подобных схем, мы практически имеем дело не с терминологиями, а именно с системами родства. Образно говоря, таблицы и диаграммы — это средство, с помощью которого только и возможно реальное взаимодействие (интерфейс) между исследователем и «материей» родства. Здесь следует особо подчеркнуть, что генеалогический метод Риверса не соответствует своему названию ни по содержанию (способ интерпретации фактов родства), ни по форме (способ построения диаграмм). Как будет показано в следующих разделах, вроде бы пустяковое нововведение при построении диаграмм родства оказывается наиболее серьезным продвижением Риверса по отношению к Моргану.

---

¹ См. далее: в традиционном австралийском обществе по имени обращаются только к маленьким детям, во всех остальных случаях используется термин родства [Radcliffe-Brown 1913: 150].